

А. Г. Степанов
Тверской государственный университет, Ланьчжоуский университет
(Россия, Тверь – Китай, Ланьчжоу)
poetics@yandex.ru

О ПОЭТИКЕ РАССКАЗА ИРИНЫ ПОЛЯНСКОЙ «ПЕНАЛ»

Рассказ Ирины Полянской «Пенал» – образец малой прозы, сочетающий компактность изложения с языковой (метафорической) плотностью. Его повествовательная техника вобрала в себя опыт модернистского письма. Многокомпонентный, но логически безупречный синтаксис передает ассоциативность мышления внутреннего «я» рассказчицы, основанного на тревожных, болезненных аналогиях:

И я испытывала двойное давление; чувствовала, как ребра медленно сдавливают, едва позволяя дышать, внешняя сила обстоятельств – например, отсутствие для нас жилья, эта внешняя сила неотвратимо давила на ребра, точно я ехала в переполненном трамвае, а людей все вталкивали и вталкивали в него, в том числе моего мужа и его жену, так что мы все время от времени буквально соприкасались ноздрями и натирали ребра, – еще я ощущала давление изнутри, которое, напротив, раздвигало грудную клетку, точно я лежу на операционном столе и слышу сквозь наркоз, как с левой стороны в грудь бьет мягкий, упорный кулак [Полянская 1999: 398].

Повышенная телесность, субъектность, иррациональность, нелинейность, фрагментарность, имитация внелитературных форм, ограниченность изображения приватной сферой – всё это признаки «женского письма» (Э. Сиксу), которое достаточно подробно исследовано.

Меня будет интересовать поэтика рассказа, но не как воплощение особого, женского, мировосприятия, а как процесс смыслообразования, позволяющий передать индивидуально-авторские смыслы, в том числе гендерно маркированные. Я попытаюсь проследить смысловую динамику ключевого образа, вынесенного в заглавие и определяющего семантическую структуру текста. Задача доклада – показать, как автор «работает» с языком, предметной деталью, создавая зрелое и оригинальное произведение.

Рассказ открывается признанием, которое, метафорически истолковывая устройство обычного школьного предмета, становится прологом к судьбе героя:

– В детстве, в первом классе, вечный страх моей жизни представлял пенал, обыкновенный пенал. С одной стороны, я понимал, что без него не обойтись, должен быть у ручки, перьев, ластика и перочистки свой домик, с другой – просто страдал из-за того, что эти живые для меня вещи лежат «в такой тесноте и в такой темноте». <...> И знаешь, что я делал? Я лобзиком пропиливал им маленькое окошко в пенале, чтобы они могли дышать... [Полянская 1999: 397].

Это признание отсылает к детскому миру героя с его фантазиями и фобиями. Оно задает школьную тему, предваряя ситуацию нравственного и психоло-

гического тупика, пребывания в замкнутом пространстве, из которого рассказчица и ее возлюбленный отчаянно пытаются выбраться.

Для рассказчицы этический выбор оказался предопределен. Но сделан был не сразу, а после попыток избавиться от любовного морока, превращающего героиню в объект изоощренных психологических самоистязаний:

И я ждала, когда это мучение достигнет апогея, когда, наконец, кулак сожмет мое сердце и выжмет из него всю кровь и освободит меня от круглого, детского взгляда этого беспомощного, бьющегося в житейской паутине существа, потому что я уже перепробовала все: пригубила от его сердитой, мимолетной ревности, посыпала свои раны крупной ссорой, периодически срываясь в командировки, но ни один самолет, ни один поезд не мог меня как следует увезти от этого слабого фантазера, которого ничего не могло освободить от его фантазий... [Полянская 1999: 399].

На уровне стиля это мучительное состояние выражается в метафоризации высказывания за счет нарушения привычной сочетаемости лексем. В комбинации «глагол + существительное» на месте второго элемента оказывается слово, называющее не предмет, а негативный характер чувств, отношений. Это повышает образность высказывания, дополняя его семантику окказиональной метафорой: «пригубить от ревности» (вместо «из бокала»), «посыпать раны крупной ссорой» (вместо «солью»).

Герой «угодил в тесный, душный пенал» [Полянская 1999: 401], и все его попытки выбраться наружу переживаются рассказчицей крайне болезненно. Языковой ресурс, к которому прибегает автор, – телесная метафора. Такая метафора встречается и у писателей-мужчин (например, у В. Маяковского). А вот чего у них нет, и что есть в «Пенале» Полянской – это перинатальная метафора. Она строится на неразличении того, что находится извне и внутри женского тела:

Он тут же стал царапаться в темноте, разрывая мне внутренности то своим уходом от Оксаны, потому что она известная стервоза, то неуходом от нее, потому что у нее растет какая-то опухоль на шее. Он стал биться во мне, как когда-то бился мой ребенок, и ничего путного из этого родиться не могло [Полянская 1999: 401].

Рассуждая о новеллистике Т. Толстой, И. Л. Савкина замечает, что с точки зрения фабулы это «очень грустные, трагически безысходные истории, практически всегда заканчивающиеся смертью или катастрофой». Но благодаря языку их чтение «порождает совсем другой эффект... Этот темный, но одновременно теплый, обнимающий хаос жизни, чувственную вещность, конкретность мира... удастся передать через прихотливый, орнаментальный, метафорически насыщенный стиль повествования, в котором при этом сохраняются непосредственные интонации живой, устной речи» [Савкина 1996].

Думаю, эти суждения вполне могут быть отнесены к метафорической, парадоксальной, талантливой прозе И. Полянской.

ЛИТЕРАТУРА

Полянская И. Пенал // Полянская И. Прохождение тени: роман, рассказы. М., 1999.

Савкина И. Л. Говори, Мария! (Заметки о современной женской прозе) // Преображение: Русский феминистский журнал. 1996. № 4. С. 62–67 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.a-z.ru/women/texts/savkina1r.htm>.